

ПОИСКИ СЛАВЯНСКОГО ЭПОСА

Světla Mathauserová (Praha)

Мое отношение к вопросу славянского эпоса не беспристрастное. Мне всегда было жаль, что славянский эпос представлен материалом не таким развернутым и богатым, каким, например, представлен эпос античный, иранский, германский или романский. Отсутствие древнечешских эпических памятников вызвало в первой половине 19 в. известную их фальсификацию и, с другой стороны, было, несомненно, причиной интереса представителей чешского Возрождения к открытому тогда русскому памятнику "Слово о полку Игореве". Текст "Слова" много раз переводился чешскими поэтами как образец письменного славянского эпоса.

Но "Слово о полку Игореве" остается особым и единичным эпическим памятником, зарождение которого нелегко обосновать предшествующей традицией; ее существование можно только гипотетически предполагать.

В таком же исторически неопределенном положении находится древнечешский литературный памятник эпического характера "Хроника Давида", написанная в самом начале 14 в. Она отличается своей конкретной злободневностью и публицистическим приемом к национальному единению как от современного ей "античного" романа об Александре, так от распространенных тогда легенд о Екатерине, Прокопе и др. От предыдущих литературных памятников исторического характера она отличается тем, что написана не на привычном латинском, а на чешском языке, с четко выраженной национальной идеей, приемавшей всех чехов к единению и к борьбе за свои национальные права.

Перед нами встает вопрос: не полезно ли было бы сопоставить чешские и русские памятники летописного и эпического характера с целью найти параллели, общие идиомы в языке, намекающие на древние образные архетипы и тем самым на - может быть - одинаковые эпические истоки?

Сравнение "Хроники Далимила" и некоторых следующих за ней чешских хроник с русскими летописными повестями о походе Игоря Святославича и Дмитрия Ивановича, со "Словом о полку Игореве" и "Задонщиной" приносит на самом деле интересные результаты: при всей разнице лексического состава в обоих языках, обусловленной специфическим историческим развитием славянских племен, терминами или идиоматическими выражениями, относящимися к определенным областям жизни, удивительно похожи друг на друга. Образная ткань русского и чешского повествований имеет немало одинаковых выражений, под которыми просвечивает как будто бы давний общий обряд. Созданный еще на праславянской почве, он мог сопровождать своих носителей на их пути в новые земли, помогая им сохранить в чужом окружении самобытность и единство.

Обряд, объединяющий людей одного племени, имел законодательный характер, определяющий нормы поведения. Многие из старой славянской обрядности исчезло под влиянием "закона" христианского, многое исчезло под давлением новых культурных соседств, так что не во всех сферах народного бытия можно находить следы давних законодательных обрядов. Однако сравнение чешских и русских текстов показывает, что очень устойчивыми являются формулы, сопровождавшие обряд воинского похода и обряд последующего его осмысления, обсуждения и оценки.

Общезвестно, что воинская повесть принадлежит к литературному роду, который выработал в себе целую группу постоянных формул. Они встречаются в жанре воинской повести на протяжении всего времени ее существования, переходят из одного произведения в другое. В некоторых из них мы узнаем заимствованные образы, напр., библейские или вообще религиозные. В русской культуре уже с 11-12 вв. был известен перевод на славянский язык "Иудейской войны" Иосифа Флавия, и описание разорения Иерусалима послужило источником для заимствования многих образов русской воинской повести, напр., "и стрели на не летяху, акы дождь", "и бисть видети лом копийный и скректяние мечное и щиты испиани", "а друзии падаху с мостка в ров, акы сноповье" и др.; образ "реки кровави текут отвъсуду" можно отнести к одному из слов Иоанна Златоуста; помощь и заступление небесной силой - это образ, часто встречающийся в более поздних воинских повестях и отражающий собой трудную борьбу русских с врагами.

Но помимо таких, видимо, заимствованных образов, и тех, которые выработались в силу исторической специфики развития русского народа, есть и такие образы и формулы, которые являются связанными с традицией боевой старинной, существующей еще до формирования книжных воинских сказаний. Такое предположение подтверждает и факт сходства русских старых образов и формул с древнечешской традицией воинского повествования. В чешской литературе такие формулы

и образы представляют собой устойчивый лексический слой, отличающийся от более позднего влияния рыцарского западноевропейского романа.

Сопоставленный и показывающий сходство образный материал памятников русских и чешских даже приназывает к реконструкции первоначального славянского обряда. Указанное сходство образов, сопровождающих ратное дело в далеком прошлом и сохранившихся в эпической чешской и русской лексике, дает право — как нам кажется — предполагать давние традиции славянского устного эпоса, неразрывно связанные с его более поздней письменной формой.

Убедительно сходны формулы, объясняющие мотивацию брани: князь и его дружина воюет ради чести и доброго имени, что подчеркивается во всех сравниваемых памятниках самого раннего периода, когда исторические различия еще не успели разъединить лексический образный состав чешского и русского языков (сравниваются нами летописные повести о походе Игоря Святославича и Дмитрия Ивановича, "Слово о полку Игореве" и "Задоящина"; из чешских памятников взяты нами "Хроника Далмила", "Хроника о Штильфриде и о Врунцвике" и "Повесть об Александре").

В приведенных памятниках предстоящая "брань" мотивируется следующим образом: "ищут себе чести и славного имени" (Зад.), "ищучи себе чти, а князь славы" (сл.), "а возмем до конца свои славу и честь" (Лавр.), "и чести еси, брате, добыли и славного имени" (Зад.); "hledatí cti jazyku svěmu" /Br./, "dobývají jména ctěného" /Dal./, "často málo lidí na mnozě čest vzalo" /Dal./, "dobývali svěmu jazyku cti a jména dobrého" /St./.

Вслед за постоянными формулами, подбадривающими князей и их дружины, имеет свое точно определенное место клятва и обещание верности. Опять повторяется моральный аспект борьбы и подчеркивается ее патриотическая цель — за землю русскую, за славу и честь воинов. Если битва окажется тяжелой, то все будут биться до самого конца, бегству предпочитая смерть: "луче и потяту быти, неже полонену быти" (Сл.), "лутчи бы нам потятым быти, нежели полоненым быти" (Зад.); "lépe by bylo nám ctěně zbitu býti, než na milost jíti" /Dal./, "lépe by bylo tobě i s námi zemřítí, než-li hubeně a nesměle živu býti" /Dal./.

Князь и его дружина подчиняются одним и тем же законам: "или умрем, или живи будем на едином месте" (Ип.); "anebo se braňte, neb se dajte zbiti, jáč odtudto nechci běžěti ani otjěti" /Dal./.

Похожи друг на друга также и лексические средства, сопровождающие описание подготовки к бою: поиски выгодного места для будущего сражения, побоища (bojiště), чаще всего это поле (pole), река (řeka), в которой необходимо найти брод (brod). Названия орудий одинаковы: меч, копье, сулица, щит, шест, копье, sudlice, štít). В более поздних памятниках проявляется уже влияние новых этнических соседств.

Битва оканчивается или поражением - в таком случае отдается честь павшим, упоминаются вдовы и сироты, или победой, что связано со славой, весельем, торжественным приветствием, пением. Композиция сравнительно устойчива, также как и большинство формул: "за земь рускув" /Сл./, "аз на ны поуду" /Ип./, "поиде на великого князя" /Лет. пов. о Кулик. б./, "Рюрик поиде противу ним" /Ип./, "вседе на конь" /Ип./, "побараа за христьяни" /Сл./, "стоиши на борони" /Сл./, "хотя боронити своя отчим" /Лавр./, "бмся с ними крепко" /Ип./, "пленити хотя грады руские" /Ип./, "и то рек, перебрде Донец" /Ип./, "трубы трубят на Коломне" /Зад./, "бмсть бо их бесчисленое множество" /Ип./, "и бмсть радость велика" /Лавр./, "и хда два дни брата своего" /Ип./; "bóh Českú zemi Přemyslem oslaví" /Dal./, "ihned na Čechy pojedú" /Dal./, "pak kněz jéde na Bělu" /Dal./, "pak Čechy a Uhři proti sobě jídu" /Dal./, "na králuov kuoi všedě" /Dal./, "počě se brániti" /St./, "křepce Žibřida na obě ruce silně rubáše" /St./, "a polskú zemi poplenichu", /Dal./, "a jakž brzo Moravu přebředu" /Dal./, "i káza trúbíti u vojenské trúby" /Alex./, "Soběslav jeho... s Čechy ždieše" /Dal./, "neb jich jest mnoho bez čísla" /Alex./, "tu se stala velká radost České země" /Dal./.

Не все из приведенных выражений сохранились в чешском языке до наших дней, многие из них на протяжении веков исчезли, напр., слова ždat (ждать), bez čísla (бесчисленный), zbit (убить) были заменены другими. И наоборот, до сих пор в чешском языке сохранились лексикализированные метафоры "brodit se po kolena v krvi" ("а в крови по колено бродят" - Зад.), "země pod korutu kopí kostní byla posejta a krví zalita" ("чья земля под копьем костями была посеяна а кровью полытна" - Сл.), "položít hlavu" ("главы своя положиша" - Зад.), "prolit krev" (пролится крови на речке Непрядве" - Зад.).

Больше всего нас удивило сходство сравнения доблестного воина с туром, встречающееся в чешском и русском текстах, а именно в "Слове о полку Игореве", в "Задонские" и в "Хронике Далимила": "Яр туре Всеволоде" /Сл./, "не туркi воарикали у Дону" /Зад./; "Jetříšek Buškovíc bieše, mezi hrdinami jako Tuří roh slovieše" /Dal./.

Интересно, что предшественник Далимила, на латинском языке пишущий чешский летописец Космас, называет этого героя "Детришек, син Вузов", ничего не говоря о его прозвище. Можно, таким образом, предполагать, что Далимиль пользовался кроме "Хроники чешской

Космаса" еще и другим текстом, или, по крайней мере, опираясь на устное повествование о герое, носившем прозвище "Турий рог". Далимил писал о нем на двести лет позже Космаса, и может быть, он располагал каким-то особым эпическим материалом типа дружинной исторической песни на чешском языке, что дало ему возможность обобщить: еще столетие спустя хвалят Детришка доброго, так как, покинув все "по душе", добыл себе имени честного. Как будто прозвучала в этих словах цитата из давней, не дошедшей до нас эпической песни, сохранившейся до времени Далимила. Право на такую гипотезу дает нам тот факт, что и в других местах "Хроники Далимила" имеются следы воинских повестей, которыми подбадривались, а может быть, и развлекались княжеские дружины.

Наличие чешской и русской воинской повести, не только устной, но и письменной, предшествующей дошедшим до нас письменным памятникам, оказывается весьма возможным, во всяком случае, его нельзя опровергать. Устойчивость образов и формул, связанных с обрядом похода и сохранившихся в текстах русских и чешских, примененные одинаковых композиционных средств - от указания целей похода до общего веселия и радости над победой, вплоть до "славы", которая поется героям, - вот свидетельство, как нам кажется, общих эпических начал и непрерывной традиции.

В качестве еще одного доказательства можно привести пример поражающего сходства функции "забрал" в чешском и русском текстах. В "Слове о полку Игореве", в "Задонщине" и в "Хронике Далимила" хенн оказываются в самый трудный момент "на забралах", чтобы подбодрить защитников града, или чтобы попросить помощи для тех, которые находятся в опасности, или чтобы произнести "плач" и напомнить так о заслугах павших, или чтобы попросить, если уж нет другого выхода, о помиловании у завоевателей. В "Слове о полку Игореве" Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, а ркучи; в "Задонщине" "восплакалася вск княгиня... у Москвн града на забралах, а ркучи", в одном из эпизодов "Хроники Далимила" описывается осада града, которая непременно окончилась бы его разрушением, если бы княгиня не догадалась выйти "на забрала" и просить о помиловании града: "by sě ciesařovna nedomyslila spieše, na zăbradlách státi a takto volati..."

Сравнение чешских и русских эпических памятников дает немало неожиданных сходств. Необходимо, конечно, сопоставление славянского эпоса с национальным эпосом других народов: образ "утирать рукавом" рани, кровь, пот является общим для "Слова о полку Игореве" и для старофранцузского эпоса о Роланде, но он встречается и в Ипатьевской летописи, где он является метафорой смерти переяславского князя Владимира Глебовича. Однако, наряду с

общими чертами, объединяющими мировой эпос как одно целое, есть в славянских эпических текстах специфические элементы, которые дают возможность на основе изучения общей образной сети эпоса выделить определенную славянскую традицию эпического повествования.

Примечания

- 1 Робинсон, А. Н.: К вопросу о народно-поэтических истоках стиля "воинских" повестей древней Руси, сб. Основные проблемы эпоса восточных славян, Москва 1958, 131 - 158.
- 2 Примеры таких образов приводит в своей работе по стилю древней повести Орлов, А. С.: Об особенностях формы русских воинских повестей (конец XVII в.), Москва 1902.
- 3 Цитируется по изданию: Памятники литературы Древней Руси, XII век, Москва 1980; XIV - середина XV века, Москва 1981; Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila, Praha 1958; Próza českého středověku, Praha 1983.